

СТАТЬИ

ЕСТЬ ЛИ СИНТАКСИЧЕСКИЙ ПОДЪЕМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ? ЧАСТЬ 2: МАЛЫЕ КЛАУЗЫ

Е.А. Лютикова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Междисциплинарная научно-образовательная школа Московского
университета «Мозг, когнитивные системы, искусственный интеллект»,
Москва, Россия; lyutikova2008@gmail.com*

Аннотация: В статье предлагается анализ с подъемом для целого ряда конструкций, имеющих в своей основе неглагольную предикацию, а именно: (1) конструкции с составным именным сказуемым; (2) конструкции с переходными глаголами мнения; (3) конструкции с переходными глаголами восприятия; (4) конструкции с переходными глаголами каузации и параметрической диатезой. Все эти конструкции объединяет тот факт, что матричный предикат обладает способностью присоединять в качестве внутреннего аргумента малую клаузу. Подлежащее малой клаузы получает структурный падеж в матричной клаузе и обладает всеми структурными характеристиками подлежащего / прямого дополнения матричной клаузы, что является синтаксическим свидетельством подъема. Специфика подъема в русском языке, таким образом, состоит в том, что он ограничен малыми клаузами.

Ключевые слова: подъем; именное сказуемое; малая клауза; русский язык
doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2022-6-58-74

Финансирование: Исследование выполнено в рамках проекта РФФ № 22-18-00037 (МГУ имени М.В. Ломоносова).

Для цитирования: Лютикова Е.А. Есть ли синтаксический подъем в русском языке? Часть 2: Малые клаузы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 6. С. 58–74.

DOES RUSSIAN ATTEST SYNTACTIC RAISING? PART 2: SMALL CLAUSES

Ekaterina Lyutikova

*Lomonosov Moscow State University; Interdisciplinary Scientific and Educational
School of Moscow University “Brain, Cognitive Systems, Artificial Intelligence”,
Moscow, Russia; lyutikova2008@gmail.com*

Abstract: I propose a raising analysis for a number of Russian constructions based on non-verbal predication: (1) constructions with nominal predicates and

semi-lexical verbs; (2) constructions with transitive attitude verbs; (3) constructions with transitive perception verbs; (4) constructions with transitive causative verbs. What they all have in common is that their predicate can take a small clause as an internal argument. The small clause's subject is assigned structural case in the matrix clause and attests all structural properties of the matrix subject / direct object, which signals raising. The peculiarity of raising in Russian is thus its restriction to small clauses.

Key words: raising; predicate nominals; small clauses; Russian

Funding: This research is supported by the Russian Science Foundation, RSF project # 22-18-00037 (Lomonosov Moscow State University).

For citation: Lyutikova E.A. (2022) Does Russian attest syntactic raising? Part 2: Small clauses. *Moscow University Philology Bulletin*, No. 6, pp. 58–74.

1. Введение

В первой части работы [Лютикова, 2022] был рассмотрен вопрос о существовании в русском языке конструкций с подъемом аргумента из инфинитивных клауз, аналогичных подъемным конструкциям английского языка. Было показано, что русские инфинитивные конструкции с модальными и фазовыми предикатами в тех употреблениях, которые семантически сходны с подъемом, представляют собой примеры функционального реструктурирования [Wurmbrand, 2001] и тем самым не являются полипредикативными. В этой статье я предложу анализ с подъемом для целого ряда конструкций, имеющих в своей основе неглагольную предикацию. Насколько мне известно, подобный анализ для этих конструкций ранее не предлагался, и само их объединение в единую группу не обсуждалось.

Статья имеет следующую структуру. В разделах 2 и 3 мы рассмотрим различные типы конфигураций, в которых можно усматривать подъем из малых клауз — предикаций с неглагольным сказуемым, и предложим предварительный анализ таких конструкций. Итоги исследования подводятся в разделе 4.

2. Конструкции с составным именным сказуемым

В этом разделе мы обратимся к не-инфинитивным конструкциям, демонстрирующим большое сходство с подъемными конструкциями. В качестве исходной точки обсуждения рассмотрим конструкции с составным именным сказуемым, как они охарактеризованы в грамматиках русского языка [Грамматика, 1960: § 512 и сл.; Русская грамматика, 1980: § 1956]. [Грамматика, 1960] различает три класса конструкций: именные сказуемые со вспомогательными глаголами (*быть, стать*); составные именные сказуемые с полужнаменатель-

ными глаголами, обозначающими проявление и обнаружение признака, а также его изменение во времени (*казаться, оказаться, представляться, сделаться* и др.) и сложные именные сказуемые, где присутствует полнозначительный глагол и именной компонент депиктива (*Он вернулся усталый*). [Русская грамматика, 1980] рассматривает составные именные сказуемые как регулярные реализации структурных схем с именным сказуемым (N_1-N_1 , N_1-Adj_1 полн.ф., N_1-Adj кратк.ф. и нек. др.) с полузнаменательными глаголами из того же списка, что и в Грамматике 1960. В (1) приводятся примеры таких конструкций.

(1) а. N_1-N_1 :

На фронте пацаны-подростки становились сыновьями полка. [НКРЯ]

б. N_1-Adj кратк. ф:

Рана Швабрина оказалась не смертельна. [НКРЯ]

с. N_1-Adj полн. ф:

В общем, атмосфера получилась почти семейная. [НКРЯ]

д. N_1-Part кратк. ф:

Дома казались наскоро построены. [НКРЯ]

е. $N_1-N_2...Adv$:

В Москве, например, географический центр оказался далеко за МКАД ... [НКРЯ]

ф. N_1-Inf :

У него уже традиционная обязанность стала следить за чистотой. [НКРЯ]

г. $N_1-Adv -o$:

А просто бабки — это считалось невозможно. [НКРЯ]

х. $Inf-N_1$:

Выступать на «капичнике» считалось смертельным номером. [НКРЯ]

е. $Inf-Adv -o$:

Но найти такую минуту оказалось непросто. [НКРЯ]

Список структурных схем и список полузнаменательных глаголов задают возможный набор комбинаций, однако не все логически возможные варианты реализуются. [Русская грамматика, 1980] исчисляет приемлемые комбинации полузнаменательных глаголов с определенными структурными схемами, рассматривая возможность определенных комбинаций как специфику структурной схемы. В таблице 1

представлены положительные данные о сочетаемости структурных схем и полузнаменательных глаголов по Русской грамматике (плюсы, выделенные полужирным), а также дополнительные возможные, невозможные и сомнительные комбинации, полученные путем анализа корпусных употреблений и интроспекцией (символы +, -, ?).

Таблица 1

Регулярные реализации подлежащно-сказуемых структурных схем без спрягаемой формы глагола с полузнаменательными глаголами

	С координируемыми компонентами				С некоординируемыми компонентами				
	N_1-N_1	N_1-Adj пф	N_1-Adj кф	N_1-Part кф	$N_1-N_2 \dots Adv$	N_1-Inf	$N_1-Adv-o$	$Inf-N_1$	$Inf-Adv-o$
(быть)	+	+	+	+	+	+	+	+	+
бывать	+	+	+	+	+	+	+	+	+
стать	+	+	+	+	+	+	+	+	+
становиться	+	+	+	+	+	+	+	+	+
делаться	+	+	+	+	+	+	+	+	+
сделаться	+	+	+	+	+	+	+	+	+
считаться	+	+	+	+	+	+	+	+	+
казаться	+	+	+	+	+	?	+	+	+
показаться	+	+	+	+	+	?	+	+	+
оказаться	+	+	+	+	+	+	+	+	+
оказываться	+	+	+	+	+	+	+	+	+
получиться	+	+	+	+	+	+	+	+	+
получаться	+	+	+	+	+	+	+	+	+
выйти	+	+	+	+	+	+	+	?	?
выходить	+	+	+	+	+	+	+	?	?
остаться	+	+	+	+	+	+	+	+	?
оставаться	+	+	+	+	+	+	+	+	?
представляться	+	+	пф	пф	пф	—	пф	+	пф
представиться	+	+	пф	пф	пф	—	пф	+	пф
явиться	+	+	пф	пф	—	—	пф	+	—
являться	+	+	пф	пф	—	—	пф	+	—

Следует также уточнить, что авторы Русской грамматики рассматривают различные формы именного сказуемого (им. п. vs тв. п.) как независимый признак, не влияющий на грамматическую харак-

теристику конструкции¹. Соответственно, противопоставление полузнаменательных глаголов, допускающих и не допускающих варьирование именительного и творительного падежа, утрачивается. Более того, это решение имеет последствия для характеристики таких конструкций, в которых сказуемое структурной схемы неспособно к выражению падежа: это прилагательные и причастия в краткой форме, наречия, предложно-падежные формы существительного, инфинитивы. Если допустить трансформационную связь между краткими и полными формами прилагательных и причастий, а также возможность автоматической трансформации наречий на *-o/-e* в полные прилагательные в контексте, требующем формы тв. п. [Циммерлинг, 2018], то комбинация полузнаменательного глагола типа *являться*, требующего тв. п. именной части, со структурными схемами N_1 -Adj кратк. ф., N_1 -Part кратк. ф., N_1 -Adv-*o*, Inf-Adv-*o* окажется возможной. Если же считать, что тв. п. полных прилагательных в сказуемом возможен только для структурной схемы N_1 -Adj полн. ф., то число возможных комбинаций сокращается. В таблице 1 подобные спорные случаи отмечены как «пф».

Не ставя перед собой задачу подтвердить или опровергнуть выводы авторов Русской грамматики о возможных и невозможных комбинациях, зададим вопрос в другой плоскости: какие именно свойства глагола обеспечивают его включение в класс «полузнаменательных», т.е. отвечают за возможность образования конструкции с именным сказуемым?

Очевидно, что «полузнаменательность», с одной стороны, предполагает наличие определенного лексического значения (в отличие от вспомогательных глаголов / связок, выражающих только финитность конструкции); более того, некоторые глаголы из списка полузнаменательных способны лицензировать и косвеннопадежное дополнение (напр., *казаться кому-л.*, *считаться кем-л.*). С другой стороны, при сопоставлении с конструкциями с субъектными депиктивами (сложное именное сказуемое по [Грамматика, 1960]) становится очевидным, что подлежащее исследуемых конструкций тематически связано с именным предикатом, в то время как полузнаменательный глагол собственное термовое подлежащее не лицензирует, ср. (2)–(3).

¹ В литературе представлены различные точки зрения на условия варьирования им.п. и тв.п. в именном сказуемом [Nichols, 1981; Козинский, 1983; Franks, 1995; Bailyn, 2001; Filip, 2001; Strigin, Demjjanow, 2001; Grebenyova, 2005; Madariaga, 2007; 2008; Гращенков, 2018]. Для наших целей важно, что форма тв. п. грамматически возможна во всех случаях, кроме случаев нулевой связи (*Мой отец — инженер!/*инженером*), в то время как на использование формы им. п. накладываются, помимо семантических, определенные грамматические ограничения [Лютикова, 2010].

- (2) конструкции с субъектными депиктивами
- a. Борис вернулся усталым.
 - b. Борис вернулся.
- (3) конструкции с составным именным сказуемым
- a. Борис казался (нам) усталым.
 - b. *Борис казался (нам).

Таким образом, налицо характеристические признаки конструкций с подъемом: лексический матричный предикат, присоединяющий в качестве актанта зависимую предикацию; падежные и согласовательные связи подлежащего зависимой предикации с функциональной структурой главной клаузы; отсутствие селективных ограничений на аргумент со стороны матричного предиката. Отличие обсуждаемых конструкций от стандартных конструкций с подъемом лишь в том, что подъем осуществляется не из инфинитивного оборота, а из так называемой малой клаузы — функциональной структуры, в которой предикат является неглагольным и в силу этого не может проецировать собственное подлежащее, которое вводится функциональной вершиной Pred, организующей субъектно-предикатные отношения между именной группой и группой другой неглагольной категории [Bowers, 1993].

В (4a-b) сопоставляются структура стандартной конструкции с подъемом в позицию подлежащего (4a) и предлагаемая структура русской конструкции с подъемом из малой клаузы (4b). Специфика конструкции в (4b) состоит в том, что глагол *казаться*, как и другие полужнаменательные глаголы, принимает в качестве комплемента малую клаузу указанной структуры. Поскольку малая клауза нефинитна, ее подлежащее нуждается во внешних источниках падежного лицензирования. Таким источником и становится функциональная структура главной клаузы: предикативная вершина T согласуется с подлежащим малой клаузы, приписывает ему именительный падеж и вызывает его передвижение в позицию подлежащего главной клаузы.

- (4) a. подъем из инфинитивной клаузы
 John_i seems [_{TP} t_i to_T [_{VP} leave]].
 'Кажется, Джон уезжает.'
- b. подъем из малой клаузы
 Борис_i казался [_{PredP} t_i [\emptyset _{Pred} [AP усталым]].

Анализ в (4b) позволяет объединить все случаи использования творительного предикативного (именное сказуемое со связками *быть* и *стать*, составное именное сказуемое, депиктивы): можно считать, что источником падежа является функциональная вершина Pred, участвующая в образовании всех этих конструкций. Отличие между обсуждаемыми случаями сводится к тому, каким образом PredP встраивается во внешний синтаксический контекст:

как комплемент вспомогательного глагола (5a), как комплемент предиката подъема (5b) или как адьюнкт к глагольной группе (5c).

(5) a. именное сказуемое со связкой

[_{TP} Борис_i был_{Aux} [_{AuxP} был_{Aux} [_{PreDP} t_i ∅_{PreD} [_{AP} усталым]]]]].

b. составное именное сказуемое

[_{TP} Борис_i казался [_{VP} казался [_{PreDP} t_i ∅_{PreD} [_{AP} усталым]]]]].

c. конструкция с субъектным депиктивом

[_{TP} Борис_i вернулся [_{VP} t_i вернулся] [_{PreDP} PRO_i ∅_{PreD} [_{AP} усталым]]]]].

Если анализ, намеченный нами для конструкций с составным именным сказуемым, верен, то мы ожидаем обнаружить и другие конструкции, в которых происходит подъем, в том случае, если матричный предикат способен принимать в качестве аргумента малую клаузу. В следующем разделе мы обсудим конструкции-кандидаты, в которых можно усматривать подъем из малой клаузы.

3. Прочие конструкции с малыми клаузами

Начнем с обсуждения конструкций с переходными глаголами мнения (*считать, полагать, рассматривать*), ср. (6).

(6) a. Несмотря на выгоды, дворяне гнушались службою стрелецкою и считали оную пятном для своего рода. [НКРЯ] <считали, что она — пятно>

b. Он испугался и поспешно начал отступать, полагая себя отрезанным от Казани. [НКРЯ] <полагал, что он отрезан>

c. Он рассматривал себя в искусстве как мессию и проповедника. [НКРЯ] <считал, что он — мессия>

d. Но если рассматривать Бога таким, каким Его представляет Вы, то, несомненно, Бог для всех один, и это не старичок, сидящий на облаках. [НКРЯ] <считать, что Бог такой...>

e. Это давало основание в те годы считать Штейна входящим по результатам в пятерку сильнейших в мире вместе со Спасским, Фишером и Ларсеном. [НКРЯ] <считать, что Штейн входит в пятерку>

Легко видеть, что прямое дополнение в подобных примерах в действительности является субъектом признака, выраженного именной конструкцией в творительном падеже или зависимым союзом *как* (ср. перифразы в угловых скобках). Таким образом, налицо ключевые признаки подъема в позицию прямого дополнения: семантические связи прямого дополнения главной клаузы с предикатом зависимой клаузы и получение падежа в главной клаузе.

Отдельно стоит остановиться на глаголе *рассматривать*, образующем конструкцию *рассматривать X как Y*. Появление союза *как* здесь не случайно — он представляет собой не что иное, как выраженную лексически вершину Pred (7a). Аналогичный анализ (7b) получает английское *as* в малых клаузах [Bowers, 1993].

- (7) a. [_{VP} рассматривать [_{PredP} X как_{Pred} Y]]
 b. [_{VP} consider [_{PredP} X as_{Pred} Y]]

Отметим, что глагол *считать* представляет собой переходный вариант глагола *считаться*, который участвует в образовании конструкций с ползузнаменательными глаголами (8a). Оба варианта — активный и пассивный — имеет также глагол *рассматривать* (8b). Эти факты еще больше подчеркивают параллелизм между конструкциями подъема из малой клаузы и стандартными конструкциями подъема: если матричный предикат переходный, подъем происходит в позицию прямого дополнения, а при его пассивизации — в позицию подлежащего, ср. (9)-(10).

(8) a. Эта быстрая и безопасная процедура происходит один раз во время инсталляции нового устройства, после чего устройство **считается** принадлежащим этой сети. [НКРЯ]

- b. Личные же подсобные хозяйства **рассматриваются** как непредпринимательские. [НКРЯ]

(9) инфинитивная клауза

- a. подъем в позицию дополнения
 We **believe** John to have worked too much.
 ‘Мы считаем, что Джон слишком много работал.’
 b. подъем в позицию подлежащего
 John **is believed** to have worked too much.
 ‘Считается, что Джон слишком много работал.’

(10) малая клауза

- a. подъем в позицию дополнения
 We **consider** John as our friend.
 ‘Мы рассматриваем Джона как нашего друга.’
 b. подъем в позицию подлежащего
 John **is considered** as our friend.
 ‘Джон рассматривается как наш друг.’

Обратимся теперь к предикатам малых клауз, участвующих в конструкциях с подъемом. Среди них мы обнаруживаем, с одной стороны, именные категории — существительные и прилагательные в тв. п. (6a, d), которые участвуют также в рассмотренных выше конструкциях с ползузнаменательными глаголами Русской грамматики (структурные схемы N_1-N_1 , N_1-Adj_1 полн.ф.). С другой — встречаем тип, отсутствующий в структурных схемах: сказуемое, выраженное причастием (6b, e). Отметим, что даже если рассматривать полную форму причастия в (6b) как результат регулярной трансформации для структурной схемы N_1-Part кратк. ф., возникают проблемы с действительным причастием, не имеющим краткой формы, в (6e). Более того, как показывает (8a), действительные причастия выступают также и в конструкциях с ползузнаменательными глаголами (*считаться*).

Я предполагаю, что причастия представляют собой трансформационный вариант глагольного сказуемого в малой клаузе (ср. с предположением о том, что действительное причастие — трансформационный вариант финитного глагола в [Babby, 1973]). Поскольку краткая форма причастия в нефинитных клаузах в отсутствие коиндексации с номинативным подлежащим не лицензируется [Лютикова, 2010], в качестве предиката малой клаузы выступает причастие в полной форме, нуждающееся в падеже и получающее его от вершины Pred. Безусловно, не любое глагольное сказуемое может трансформироваться в причастное сказуемое малой клаузы — ср.: *Я считаю, что Борис приехал* vs **Я считаю Бориса приехавшим*. По-видимому, для подобной трансформации необходима стативная (или хабитуальная) интерпретация глагольного предиката, что делает малую клаузу со сказуемым-причастием квазисинонимичной финитной клаузе; для более точного описания условий семантической успешности такой трансформации требуются дальнейшие исследования.

Следующая группа предикатов, принимающих в качестве компонента малую клаузу и образующих конструкцию подъема — это переходные глаголы восприятия (*увидеть, заметить, обнаружить, представить, вообразить*), ср. (11).

- (11) а. Я старался вообразить себе капитана Миронова, моего будущего начальника, и **представлял** его строгим, сердитым стариком, не знающим ничего, кроме своей службы, и готовым за всякую безделицу сажать меня под арест на хлеб и на воду. [НКРЯ]
- б. Через пять минут, уже побывав в библиотеке, я **обнаружил** себя сидящим на собственной кровати. [НКРЯ]
- с. Силантий закончил вычищать хлев, запер скотину, пощурился на солнце, так кстати выглянувшее из прорехи в августовских тучах, и **заметил** отца сидящим на крыльце. [НКРЯ]
- д. Он **увидел** Ахмада лежавшим навзничь далеко от того места, где оставил. [НКРЯ]
- е. «Умерла», — повторил он несколько раз и удивительно живо **вообразил** Ирму влезаящей к Максусу на колени или бросающей о стену мяч. [НКРЯ]

Как и в случае с глаголами мнения, при пассивизации образуются конструкции с подъемом в позицию подлежащего (12), в том числе и относимые Русской грамматикой к конструкциям с полужнаменательными глаголами (*казаться, представляться*).

- (12) а. Москва **виделась** неврастеником, давно не посещавшим предприятие медико-медицинское учреждение. [НКРЯ]
- б. Говорили, что Филиппова **была замечена** приходящей невозможно ранним утром на заседания Союза и, естественно, сталкивалась с закрытыми дверями. [НКРЯ]

- с. В Йере история **представлялась** ему бездонным трюмом, куда проваливаются эпохи, каким-то чудовищным зевом, заглывающим поколения. [НКРЯ]

Отметим, что с глаголами восприятия видовая интерпретация причастия меняется: и действительное, и страдательное причастие получают актуально-длительное значение (ср. *обнаружил Ирму влезавшей на колени — обнаружил, что Ирма влезает на колени* в (11е) и с предикатом мнения: *считал Ирму влезавшей не в свои дела — считал, что Ирма (всегда) влезает не в свои дела*). Тяготение к актуально-длительной интерпретации вообще характерно для событий — аргументов предикатов восприятия, поскольку восприятию доступно лишь происходящее в момент наблюдения.

Наконец, последнюю группу предикатов, способных к присоединению малой клаузы, образуют переходные глаголы каузации, в том числе и перформативные глаголы речи: *сделать, назначить, выдать, объявить, провозгласить*. Часть из них уже привлекала внимание исследователей: Е.В. Падучева [Падучева, 1999] предложила блестящий анализ диатезных альтернатив глагола *назначить*, следующих из его трехаргументной структуры: назначающего, назначаемого индивида и параметра назначения. В качестве прямого дополнения могут выступать как назначаемый, так и параметр назначения:

- (13) а. Он назначил Бориса.
б. Он назначил директора.
с. Он назначил Бориса директором.

Возможность варьирования ролей у прямого дополнения говорит о том, что эта структурная позиция не связана жестко с определенным аргументом глагола; напротив, в эту структурную позицию могут попадать аргументы других предикатов. Я предполагаю, что в (13с) представлена исходная конструкция, в которой внутренним аргументом глагола *назначить* выступает малая клауза с субъектом — назначаемым и предикатом — параметром. Аналогичные примеры доступны и для других глаголов этой группы, ср. (14).

- (14) а. Он и брат его были любимцы Петра III, который **сделал** одного полковником и дал ему полк и второго подполковником. [НКРЯ]
б. Дубровский сел с Гришей в телегу и **назначил** им местом свидания Кистеневскую рощу. [НКРЯ]
с. 28 июля они протестовали против избрания Станислава, **объявив** участников в оном врагами отечества. [НКРЯ]
д. Начальник генерального штаба Карлос Пратс, ставший новым верховным главнокомандующим, **провозгласил** Шнайдера мучеником за Конституцию. [НКРЯ]

Как и в предыдущих случаях, при пассивизации образуются конструкции с подъемом в позицию подлежащего, в том числе и

входящие в список конструкций с полузнаменательными глаголами по [Русская грамматика, 1980] (*сделаться*).

- (15) а. Так один из самых блестящих умов России **был объявлен** сошедшим с ума. [НКРЯ]
- б. С 18 июля город С.-Петербург с пригородами **объявлен** состоящим на военном положении. [НКРЯ]
- с. В скором времени после этого Авшаров был смещен и **назначен** состоящим в распоряжении великого князя, а я **был назначен** начальником школы. [НКРЯ]
- д. «Роман о розе» придал всей этой культуре форму столь красочную, столь изощрённую, столь богатую, что **сделался** читаемым и почитаемым всеми (кто мог читать и почитать). [НКРЯ]

Итак, что же объединяет все рассмотренные нами конструкции? Матричный предикат относится к определенным таксономическим классам с точки зрения как семантической, так и синтаксической селекции. С семантической точки зрения он имеет пропозициональную валентность на тему. Можно выделить два класса предикатов: те, для которых тема может соответствовать только пропозиции (16), и те, которые способны присоединять как термовый, так и пропозициональный аргумент (17). К первому классу ожидаемо относятся предикаты мнения, ко второму — предикаты восприятия.

- (16) а. *Он казался / оказался / считался.
б. *Мы считали его.
- (17) а. Мы заметили приятеля.
б. Мы заметили приятеля покупающим цветы.

С синтаксической точки зрения пропозициональная семантическая валентность может заполняться малой клаузой, или PredP, но для многих предикатов доступна и финитная зависимая клауза (CP), ср. перифразы в (6) и (18b), а также пропозициональная проформа *это* (18с):

- (18) а. Мы заметили приятеля покупающим цветы.
б. Мы заметили, что приятель покупает цветы.
с. Мы заметили это.

Еще одно важное синтаксическое свойство предиката подъема — тот факт, что он не приписывает своему внутреннему аргументу ингерентного падежа (т.е. непереходный глагол имеет каноническое номинативное подлежащее, а переходный — аккузативное прямое дополнение). Это свойство обеспечивает возможность подъема подлежащего малой клаузы в главную: для подъема необходима не тематическая (т.е. не связанная с приписыванием тета-роли) позиция, в которой именная группа может получить падеж. Ингерентный падеж лексическая вершина приписывает только своему собственному аргументу, поэтому подъем с приписыванием ингерентного падежа невозможен.

Структурные репрезентации русских конструкций с подъемом из малой клаузы *Рана оказалась смертельна/смертельной* и *Посчитал рану смертельной* представлены на рис. 1 и рис. 2.

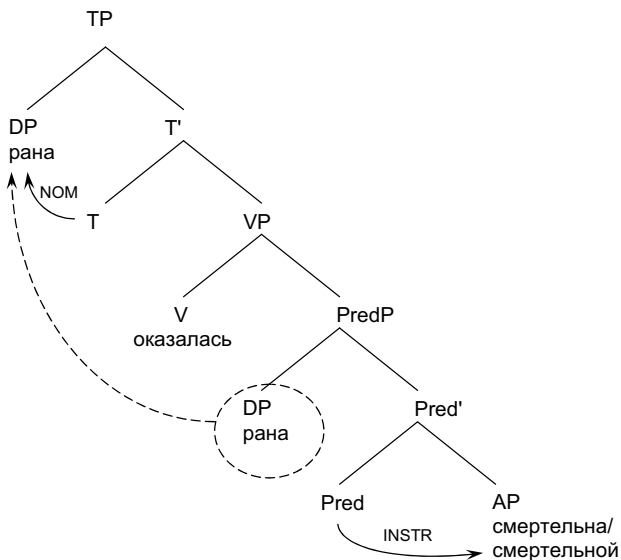

Рис. 1. Структура конструкций с подъемом из малой клаузы: подъем в позицию подлежащего

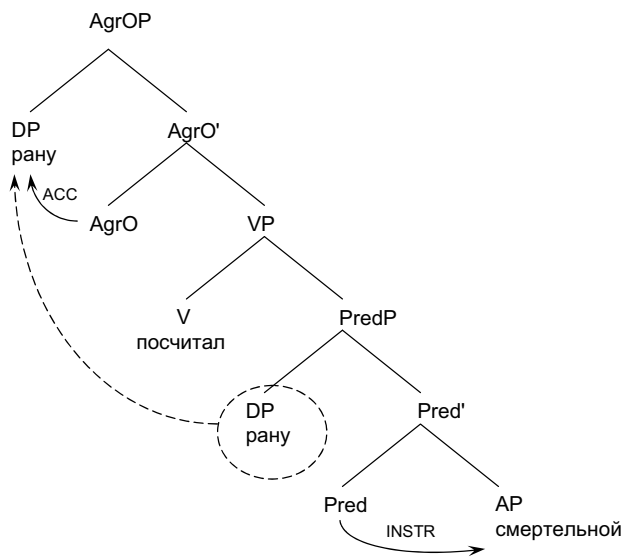

Рис. 2. Структура конструкций с подъемом из малой клаузы: подъем в позицию прямого дополнения

4. Заключение

В этой статье мы рассмотрели русские конструкции, в которых может усматриваться синтаксический подъем аргумента. Признаки подъема обнаруживаются у целого ряда конструкций с именным предикатом: клауз с составным именным сказуемым, выраженным именным компонентом в сочетании с полузнаменательным глаголом, а также их переходных аналогов — конструкций с предикатами мнения, восприятия и каузации. В статье предлагается единый анализ таких конструкций как основанных на подъеме подлежащего малой клаузы в позицию подлежащего или прямого дополнения главной клаузы. Особый интерес представляет использование в таких конструкциях причастных форм, выступающих трансформационными аналогами спрягаемого глагола финитного предложения.

Полученные нами результаты позволяют по-новому поставить вопрос о подъеме в русском языке: почему подъем невозможен из инфинитивных клауз, но возможен из малых клауз? Учитывая, что русские инфинитивы, как и английские, неоднозначны в отношении количества клаузальных проекций и могут подвергаться существенному сокращению структуры при реструктурировании [Babby, 1998; Герасимова, 2015; Герасимова, Лютикова, 2021], проблема с подъемом из инфинитивной клаузы явно не в наличии непроницаемых для А-передвижения высоких клаузальных проекций. Противопоставление причастий и инфинитивов в отношении возможности подъема позволяет предположить, что разгадка кроется в доступных для причастных и инфинитивных клауз темпоральных интерпретациях. Известно, что английские инфинитивы в подъемных конфигурациях охарактеризованы по (относительному) времени (и это отличает их от инфинитивов в конфигурациях контроля). Русские инфинитивы неспособны к выражению времени; при этом русские причастия выражают относительное (и даже абсолютное²) время в деривационных показателях (ср. причастие наст. вр. *пишущий* vs причастие прош. вр. *писавший*). Если предположить, что подъем возможен только из клауз с интерпретируемым признаком времени, запрет на подъем из инфинитивов и доступность подъема из причастных клауз получает объяснение.

² Известно, что предикаты зависимых клауз в русском языке могут интерпретироваться как по отношению к времени в главном предложении, так и по отношению к моменту речевого акта [Типология, 2009; Летучий, 2010]. Это обобщение распространяется и на нефинитные формы глагола. Соответственно, временной признак причастия может получать и относительную (ia), и абсолютную (ib) интерпретацию.

- (i) а. Мы заметили рисующего в альбоме мальчика.
б. Мы заметили рисовавшего в альбоме мальчика.

Безусловно, предпринятое в данной статье исследование — лишь первый шаг к разработке проблематики подъема из малых клауз. Среди вопросов, стоящих на повестке дня — анализ дистрибуции PredP как актанта и сирконстанта (депиктива); исследование распределения разных вершин категории Pred, в первую очередь нулевого Pred и *как*, в зависимости от синтаксического контекста; обоснование дистрибуции форм, конкурирующих с творительным предикативным в позиции предиката PredP — кратких форм прилагательных и причастий и номинатива существительных, прилагательных и причастий. Наконец, абсолютно неисследованной областью остается исчисление ограничений на причастное сказуемое в PredP в терминах семантического типа / акциональной характеристики предиката и интерпретации времени и вида причастия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герасимова А.А. Лицензирование отрицательных местоимений через границу инфинитивного оборота в русском языке // Типология морфосинтаксических параметров: материалы международной конференции, Москва, 14–16 октября 2015 года / Под ред. Е.А. Лютиковой, А.В. Циммерлинга, М.Б. Коношенко. М., 2015. С. 47–61.
2. Герасимова А.А., Лютикова Е.А. Лицензирование отрицательных местоимений в инфинитивных клаузах: экспериментальное исследование // Russian Grammar: System — Language Usage — Language Variation / Ed. by Vladislava Warditz. Frankfurt Am Main, 2021. С. 177–190.
3. Грамматика русского языка: В 2 т. / Под ред. В.В. Виноградова. М., 1960.
4. Гращенков П.В. Грамматика прилагательного. Типология адъективности и атрибутивности. М., 2018.
5. Козинский И.Ш. О категории «подлежащее» в русском языке // Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 156. М., 1983.
6. Летучий А.Б. Странное «согласование времен» в русском языке // Русский язык в научном освещении. № 1(19). 2010. С. 210–221.
7. Летучий А.Б. Предикатив или прилагательное? Русские конструкции с полу-вспомогательными глаголами и прилагательными (типа Я считаю нужным участвовать) // Вопросы языкознания. № 2. 2018. С. 7–28.
8. Лютикова Е.А. К вопросу о категориальном статусе именных групп в русском языке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2010. № 6. С. 36–76.
9. Лютикова Е.А. Есть ли подъем в русском языке? Часть 1: Инфинитивные клаузы // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. № 5. 2022. С. 27–45.
10. Падучева Е.В. Метонимические и метафорические переносы в парадигме значений глагола назначить // Теория и типология языка. От описания к объяснению. К 60-летию А.Е. Кибрика. М., 1999. С. 488–502.
11. Русская грамматика: В 2 т. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980.
12. Типология таксисных конструкций / Отв. ред. В.С. Храковский. М., 2009.
13. Циммерлинг А.В. Два диалекта русской грамматики: корпусные данные и модель // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 17 (24). Труды Международной конференции «Диалог 2018». М., 2018. С. 818–833.

14. *Babby L.* The deep structure of adjectives and participles in Russian // *Language*. Vol. 49. 1973. P. 349–360.
15. *Babby L.* Subject control as direct predication: Evidence from Russian // *Annual workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics. The Connecticut Meeting 1997*. Ann Arbor, 1998. P. 17–37.
16. *Bailyn J.* The syntax of Slavic predicate case // *ZAS Papers in Linguistics*. Vol. 22. Berlin, 2001. P. 1–23.
17. *Bowers J.* The syntax of predication // *Linguistic inquiry*. Vol. 24. 1993. P. 591–656.
18. *Filip H.* The semantics of case in Russian secondary predication // *Proceedings of Semantics and Linguistic Theory (SALT) 9*. Ithaca, New York, 2001. P. 192–211.
19. *Franks S.* Parameters of Slavic morphosyntax. N.Y., Oxford, 1995.
20. *Grebenyova L.* Agreement in Russian secondary predicates // *Proceedings of the 40th Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago, 2005. P. 69–81.
21. *Madariaga N.* An economy approach to the triggering of the Russian instrumental predicative case // *Historical Linguistics 2005*. Amsterdam; Philadelphia, 2007. P. 103–117.
22. *Madariaga N.* Grammar change and the development of new case relations. The interaction between core syntax and the linguistic periphery in old and present-day Russian. Doctoral dissertation, University of the Basque Country, 2008.
23. *Nichols J.* Predicate nominals: A partial surface syntax of Russian. Berkley, 1981.
24. *Strigin A., Demijanow A.* Secondary predication in Russian // *ZAS Papers in Linguistics*. Vol. 25. Berlin, 2005. P. 1–79.
25. *Wurmbrand S.* Infinitives: Restructuring and clause structure. Berlin; N.Y., 2001.

REFERENCES

1. Gerasimova A.A. Litsenzirovanie otritsatel'nykh mestoimenii cherez granitsu infinitivnogo oborota v russkom yazyke [Licensing negative pronouns across infinitival clause boundary]. *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov: materialy mezhdunarodnoi konferentsii, Moskva, 14–16 oktyabrya 2015 goda*. Ed. by E.A. Lyutikova, A.V. Zimmerling, M.B. Konoshenko. Moscow, 2015, pp. 47–61. (In Russ.).
2. Gerasimova A.A., Lyutikova E.A. Litsenzirovanie otritsatel'nykh mestoimenii v infinitivnykh klauzakh: ehksperimental'noe issledovanie [Licensing negative pronouns in infinitival clauses: An experimental study]. *Russian Grammar: System — Language Usage — Language Variation*. Ed. by Vladislava Warditz. Frankfurt Am Main, 2021, pp. 177–190. (In Russ.).
3. *Grammatika russkogo yazyka* [Grammar of Russian]. 2 vol. Ed. by V.V. Vinogradov. Moscow, 1960. (In Russ.).
4. Grashchenkov P.V. *Grammatika prilagatel'nogo. Tipologiya ad"ektivnosti i atributivnosti*. [The grammar of the adjective. Typology of adjectivity and attributivity]. Moscow, 2018. (In Russ.).
5. Kozinskii I.Sh. O kategorii «podlezhashchee» v russkom yazyke [On the notion “subject” in Russian]. *Problemnaya gruppa po ehksperimental'noi i prikladnoi lingvistike. Predvaritel'nye publikatsii*. Vol. 156. Moscow, 1983. (In Russ.).
6. Letuchii A.B. Strannoe «soglasovanie vremen» v russkom yazyke [A strange sequence of tenses in Russian]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. Vol. 1(19). 2010, pp. 210–221. (In Russ.).
7. Letuchii A.B. Predikativ ili prilagatel'noe? Russkie konstruksii s poluvspomogatel'nymi glagolami i prilagatel'nymi (tipa YA schitayu nuzhnyim uchastvovat') [Russian constructions with semi-auxiliary verbs and adjectives: the puzzle of complement clause]. *Voprosy yazykoznaniya*. Vol. 2. 2018, pp. 7–28. (In Russ.).

8. Lyutikova E.A. *K voprosu o kategorial'nom statuse imennykh grupp v russkom yazyke* [On the category of Russian noun phrases]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9: Filologiya. Vol. 6.* 2010, pp. 36–76. (In Russ.).
9. Lyutikova E.A. Est' li sintaksicheskii pod'em v russkom yazyke? Chast' 1: infinitivnye klauzy [Does Russian attest syntactic raising? Part 1: Infinitival clauses]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9: Filologiya. Vol. 5.* 2022, pp. ??–??. (In Russ.).
10. Paducheva E.V. Metonimicheskie i metaforicheskie perenosy v paradigme znachenii glagola naznachit' [Metonymic and metaphorical shift in the meaning paradigm of the verb *naznachit'*]. *Teoriya i tipologiya yazyka. Ot opisaniya k ob'yasneniyu. K 60-letiyu A.E. Kibrika.* Moscow, 1999, pp. 488–502. (In Russ.).
11. *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. 2 vol. Ed. by N.Yu. Shvedova. Moscow, 1980. (In Russ.).
12. *Tipologiya taksisnykh konstruksii* [Typology of taxis constructions]. Ed. by V. S. Khrakovskii. Moscow, 2009. (In Russ.).
13. Zimmerling A.V. Dva dialekta russkoy grammatiki: korpusnye dannye i model' [Two dialects of Russian. Corpus grammar and a formal model]. *Komp'yuternaja lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoy konferentsii "Dialogue 2018"*. Vol. 17 (24). Moscow, 2018, pp. 818–833. (In Russ.).
14. Babby L. The deep structure of adjectives and participles in Russian. *Language.* Vol. 49. 1973. P. 349–360.
15. Babby L. Subject control as direct predication: Evidence from Russian. *Annual workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics. The Connecticut Meeting 1997.* Ann Arbor, 1998. P. 17–37.
16. Bailyn J. The syntax of Slavic predicate case. *ZAS Papers in Linguistics.* Vol. 22. Berlin, 2001. P. 1–23.
17. Bowers J. The syntax of predication. *Linguistic inquiry.* Vol. 24. 1993. P. 591–656.
18. Filip H. The semantics of case in Russian secondary predication. *Proceedings of Semantics and Linguistic Theory (SALT) 9.* Ithaca, New York, 2001. P. 192–211.
19. Franks S. *Parameters of Slavic morphosyntax.* New York, Oxford, 1995.
20. Grebenyova L. Agreement in Russian secondary predicates. *Proceedings of the 40th Meeting of the Chicago Linguistic Society.* Chicago, 2005. P. 69–81.
21. Madariaga N. An economy approach to the triggering of the Russian instrumental predicative case. *Historical Linguistics 2005.* Amsterdam–Philadelphia, 2007. P. 103–117.
22. Madariaga N. *Grammar change and the development of new case relations. The interaction between core syntax and the linguistic periphery in old and present-day Russian.* Doctoral dissertation, University of the Basque Country, 2008.
23. Nichols J. *Predicate nominals: A partial surface syntax of Russian.* Berkley, 1981.
24. Strigin A., Demijanow A. Secondary predication in Russian. *ZAS Papers in Linguistics.* Vol. 25. Berlin, 2005. P. 1–79.
25. Wurmbrand S. *Infinitives: Restructuring and clause structure.* Berlin/New York, 2001.

Поступила в редакцию 26.07.2022;
 принята к публикации 15.10.2022;
 отредактирована 05.11.2022

Received 26.07.2022;
 accepted 15.10.2022;
 revised 05.11.2022

ОБ АВТОРЕ

Лютикова Екатерина Анатольевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета имени М.В. Ломоносова; lyutikova2008@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina Lyutikova — Dr. Habil, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; lyutikova2008@gmail.com